

периода. Вариации желтых, красных, зеленых лент на глубоком синем фоне ультрамарина контрастируют с более емкими акцентами тех же красок в разновидности Y-образного узора — почти черного (темно-зеленого, темно-коричневого?) в сочетании с красным и желтым цветом. Многокрасочно заполнение цветочными мотивами и остальных медальонов, а также архитектурных деталей хора́на. В венчающей его виньетке всплывает суммарно трактованный секировидный лист, который в орнаментации этой рукописи встречается преимущественно в маргиналах.

Отобранный мастером для хоранов Евангелия 1181 г. довольно скупой фонд орнаментальных мотивов представлен разнообразными, не повторяющимися друг друга композициями. Богатство вариантов, особенно в красочных сочетаниях, выдает незаурядную творческую фантазию мастера. Определяющим силу эмоционального воздействия художественного образа является повышенное значение колорита. Различные по форме и цвету крупные пальметки смело разбросаны без всякой симметрии красочных пятен в желтых, зеленых, красных переплетающихся друг с другом спиральных. Эта аритмия приведена к живописному равновесию как на отдельном хоране, так особенно при развороте страниц. Ощущение предельной цветовой насыщенности декора создается не только контрастной окраской пальметок, но и ярким ультрамарином фонов, подымающим звучание всех красок.

Пальметки получают самую различную конфигурацию во все новых сопоставлениях. Чаще всего это пальметка с двумя широко раскинутыми листьями, концы которых загнуты внутрь, иногда с бутоном в центре, реже появляется трехлепестковая пальметка. Заметно прокладывает себе путь цветок с удлиненным средним лепестком.

Мастер далек от какого-либо стандарта, почерк его настолько свободен, что заставляет предполагать отсутствие прорисей. Он не терпит никакой регламентации ни в рисунке, ни в цвете. Для его живописной манеры характерна кроющая поверхность локальных красок, лишённых каких-либо нюансов. Свободно играя формами и цветом, как бы любуясь тем, что у него получается, он создает произвольные композиции.

Предельной напряженности колорита, главным образом за счет аритмии в однородном Y-образном рисунке и спиралевидной лозе, художник достигает в последней паре хоранов. Акценты ярких красочных пятен (красных, желтых) четко выявляются сопоставлением их с темными тонами (темно-зеленым, коричневым). Переключка цвета связывает декор рамки с объемом трактованными, приобретающими известную материальность элементами Y-образного узора, направленного на смежных страницах в противоположные стороны. Предельно варьируя красочные сочетания, мастер в одном хоране акцентирует желтый, зеленый, красный цвет, в другом — темно- и светло-красный, лиловый, зеленый, коричневый, почти черный, меняет комбинации красок в рядах узора, помещая их в ритмике, обратной предыдущему, дробит цвет в отдельных частях самого элемента. Очевидно, последняя пара хоранов, по идее возвещающая воскресение Христа, была задумана как самая праздничная по цвету.

При всех связях орнаментации хоранов с искусством Переднего Востока в трактовке отдельных элементов, в общем монументализме художественного образа сказывается значительная самостоятельность. Оставляя в стороне колорит рукописи как совершенно самобытное явление армянской живописи, считаем возможным возводить творчески решенные композиции хоранов в некоторых случаях и к архитектурным моделям, подразумевая под этим не прямое копирование, но отношение мастера к орнаментации — ее крупномасштабность, значение свободных фонов¹⁴.

¹⁴ Монументализм может быть отмечен и в растительных композициях, украшающих хораны Евангелия 1201 г. (Матенадаран, № 10359), исполненного в Аваг-ванке; см.: Вестник Матенадарана, 9, 1969, рис. 4.